

скій человекъ по крайней мѣрѣ три раза крестится правой рукой. Въ пути русский превращаетъ свое кучу въ вагонъ въ чайную и почти на каждой станціи наполняетъ горячей водою самоваръ, который онъ везетъ съ собой. Этого количества воды ему хватаетъ на одну станцію, и русскіе считаютъ количество станцій, которыми они проѣхали, по количеству вынутыхъ самоваровъ».

Единственнымъ оправданіемъ такой безсовѣстной чепухи, преподносимой читателямъ, можетъ служить нѣмецкой газетѣ, что эта «прищипка о Россіи» сообщается съ такимъ же «спиритукомъ», какъ и о Германіи.

Штыкъ м... сѣрная кислота. Гнусность нѣмцевъ превзошла уже всякіе предѣлы, и съ новымъ проявленіемъ германской дикости и озвѣрѣнія трудно представить воображеніе, основанное уже съ приемами нашихъ «культурныхъ враговъ».

Вотъ что сообщаютъ нѣмецкія газеты: «Среди прибывшихъ въ Кіевъ раненыхъ съ военного фронта оказались нѣсколько человекъ, у которыхъ все лицо, шея и глаза были облиты сѣрной кислотой. У нѣкоторыхъ изъ раненыхъ глаза совершенно вытекли, другіе почти ослѣпли, а остальные отбѣлѣли лишь обезображеніемъ лица».

Началь медицинскій персоналъ нѣмецкихъ лазаретовъ получалъ, что имѣетъ дѣло съ единичными случаями, вызванными какими-либо случайными причинами, тѣмъ болѣе, что и сами раненые не могли толькомъ рассказать, какъ и при какихъ обстоятельствахъ получили они ожоги. Они толькомъ рассказывали, что во время интимной атаки вдругъ почувствовали рѣзкую боль въ глазахъ и отъ сильной боли въ безсознательномъ состояніи падали на землю.

Но когда случаи доташенія въ лазареты участились и стали принимать чуждъ ли не массовый характеръ, то по этому поводу начато было разслѣдованіе, изъ опросовъ многихъ пострадавшихъ выяснившее слѣдующую возмутительную исторію.

Оказалось, что нѣмцы очень употребляютъ часто выебо штыка и нули особые пульверизаторы съ сѣрной кислотой. Но сжечь раненыхъ солдатъ въ нѣмецкихъ рукахъ во время штыковой атаки находится много солдатъ со сиринцовками, наполненными этой ядовитой жидкостью.

Когда начинается атака, нѣмцы пускаютъ изъ ходъ эти сиринцовки и такимъ образомъ выводятъ изъ строя вѣнскихъ солдатъ.

Новгородъ Великій. Новгородская городская управа ходатайствуетъ о томъ, чтобы вернуть городу древнее названіе: «Новгородъ Великій», каки первому большу съ германизмомъ.

Санитарныя собаки. Управление Главноуполномоченнаго сѣверо-западнаго района сообщило Главному Управленію Краснаго Креста, что шесть уполномоченныхъ просятъ командировать въ каждый отрядъ по двѣ-три собаки съ проводками. При обсужденіи этого вопроса въ засѣданіи Главнаго Управленія, проф. В. Н. Сиротининъ указалъ, что собаки могутъ быть крайне полезны при розыскѣ раненыхъ, такъ какъ по условіямъ современной войны подбѣганіе раненыхъ возможно только темною ночью и пользование фонарями не допускается.

Германскія мечты о захватѣ Швейцаріи. Парижская газета «Matin» передаетъ, что Вильгельмъ II давно уже рѣшилъ аннексировать не только Бельгію, но и Швейцарію. И даже теперь, несмотря на кричаніе о первоначальныхъ потеряхъ, онъ еще не отказался отъ этой мысли. Другой профессоръ Оггенъ недавно писалъ, что нейтральныя государства — паразиты, существующіе за счетъ великихъ державъ, и что имъ слѣдуетъ подвергнуться участи паразитовъ, т.-е. погибнуть. И, подготавливая гибель Бельгіи, Вильгельмъ въ то же время рѣшилъ, что и свободная Гельветія раздѣлитъ ея участь. Доказательствомъ тому, что у него были тайны планы, являются марки Швейцаріи, заготовленные въ Бернѣ. На нихъ изображена Германія, внизу значатся слова: «Deutsches Reich», на самихъ же маркахъ черными буквами надписи, показывающія, что Швейцарія является только составной частью Германіи.

Нѣмцы-авіи. Газета «Daily Graphic» помѣстила слѣдующую выдержку изъ письма англійскаго лордата: «Мнѣ съ монимъ отрядомъ приказано было изъять расположенный въ концѣ деревни домъ. Наша вадака затрудила насъ тѣмъ, что въ дверяхъ дома стояла женщина, изъ-за которой торчали германскій штыкъ, а въ окнѣ, изъ котораго стрѣляли пулеметы, держали трехлѣтній дѣвочку. Мы взяли домъ и нашла эту маленькую дѣвочку привожденною саблею къ оконной рамѣ. Въ погребѣ дома мы нашли спрятавшихся 24 нѣмцевъ».

Русскіе оры на Изназѣ. Участникъ одного изъ сѣрыкамшискихъ боевъ передаетъ слѣдующій эпизодъ. Въ рождественскій сочельникъ близъ греческой деревни пѣлый день шелъ кровопролитный бой; вечеромъ турецкая артиллерія продолжала обстрѣль, однако, когда зазвонилъ колоколъ къ вечернѣ, многе изъ нашихъ бойцовъ пошли въ церковь помолиться. Служилъ старый сельскій священникъ, пѣлъ хоръ казаковъ. Когда раздался слова священника: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земѣ миръ», оглушительный взрывъ потрясъ стѣны. Неприятельскій снарядъ попалъ въ церковь. Никто не шевельнулся; черезъ нѣсколько секундъ группа офицеровъ повторила хоромъ слова священника; снарядъ не причинилъ молящимся никакого вреда и лишь пробилъ одну изъ стѣнъ. Священникъ довелъ службу до конца. Всѣ перекрестились, вышли изъ церкви, и черезъ полчаса бой возобновился.

Угроза Вильгельма. Итальянская газета «Secolo» утверждаетъ, что германцы хотѣли въ настоящее время развить въ Эльзасѣ главную дѣятельность своей арміи, командование которой поручено генералу Динлингу. Императоръ Вильгельмъ въ присутствіи своего штаба заявилъ: — «Если я принужденъ буду очистить Эльзасъ-Лотарингію, то это произойдетъ тогда, когда эта область будетъ уже совершенно опустошена огнемъ».

Нѣмецкій «школажный учитель». Причѣтъ самобытной нѣмецкой педагогики приводитъ М. О. Меньшиковъ въ «Новомъ Времени»: «Что такое воистинъ самобытная нѣмецкая педагогика, свидѣтельствуемъ одинъ знаменитый учитель Иоганнъ-Йозефъ Гейберде. Онъ проучивалъ учителей 51 годъ и 7 мѣсяцевъ и съ нѣмецкой аккуратностью заносилъ напечатанные имъ выказанія въ свой дневникъ. Въ итогѣ за свою длинную потушловую дѣятельность этотъ учитель нанесъ 911.527 ударовъ ладонью (безъ малаго миллион!), 124.410 ударовъ розгой, 20.989 ударовъ линейкой, 136.715 ударовъ рукой, 19.296 зубочисткой, 7.905 ударовъ по уху, 1.116.860 ударовъ по головѣ (выше миллион!»).

Солдаты-лѣдн. Проходившіе наканунѣ Нового года, послѣ полудня, въ Лон-

донѣ, по улицѣ Near Mary Lebon, могли наблюдать необыкновенное зрѣлище: рота женщинъ-добровольцевъ резерва арміи совершала свою первую военную прогулку. Рота эта состоитъ изъ 300 женщинъ, представительницъ лучшихъ классовъ лондонскаго общества. Командуютъ ими виконтесса Кастельбригъ и Эвелина Гаверфильдъ. Нечего и говорить, какое любопытство толпы возбуждала эти солдаты-лѣдн.

Задача этой женской организаціи, по сообщенію «Русск. Слова»: подготовить женщинъ къ роли сигнальщиковъ, курьеровъ, телеграфистовъ, шоферовъ, чтобы замѣнить занятыхъ несомнѣнно этихъ обязанностей солдатъ-мужчинъ.

Въ женскую роту рѣшаются женщины послѣ предвѣдительнаго полуторатическаго испытанія. Женщины присягаютъ своему полковнику. Судя по суботному параду, женщины-резервисты превосходно подготовлены къ несенію службы. Впечатлѣніе отъ произвели прекрасное, что, впрочемъ, отчасти зависитъ отъ ихъ военного костюма, состоящаго изъ туники и юбки цѣпѣ хаки, фланелевой рубашки, галстука, фетровой шляпы à la Баденъ-Поуауль, кожаного пояса и лайковыхъ перчатокъ.

Нѣмцы въ Бельгіи. «Morning Post» опубликовала дословный переводъ объявленія за подписью нѣмецкаго генерала Гейхмана.

Объявленіе это расклеено въ маленькомъ бельгійскомъ фабричномъ городкѣ Гриневе, около Льежа, въ окрестностяхъ коммунахъ.

Генералъ Гейхманъ объявляетъ:

«Вѣ частныя лица, проходившія и пробѣжавшія въ моемъ участкѣ, а именно: въ Гриневе, Бейнеде и Бузь-Буаю, должны присутствовать въ нѣмецкихъ офицеровъ, снимающахъ шляпу или отдавая честь по-военному. Въ случаѣ сомнѣній протоколъ, если они не сумѣютъ отличить солдата отъ офицера, должны присутствовать и нѣмецкихъ солдатъ. Лица, которые не подчинятся этому распоряженію, могутъ ждать, что нѣмецкіе солдаты сумѣютъ заставить отгадать себѣ честь вѣнскихъ дослужившимъ для нихъ способами. Гѣ, которые нечеловѣчно не согласятся, согласно приказу, поднять руки вверхъ, будутъ предаваться черной казни».

Портняжныя мастерскія въ поѣздахъ. Министерство путей сообщенія въ цѣляхъ содѣйствія изготовленію бѣлья и одежды для арміи предположило организовать въ поѣздахъ всѣхъ линій пассажирскаго сообщенія мастерскія. Предположено въ каждомъ пассажирскомъ поѣздѣ устроить мастерскую съ запасомъ матеріала для рубашекъ, жилетовъ, фуфеекъ и другихъ вещей и во время поѣздки пассажиры могутъ предлагать. Будущимъ изъ далекаго разстоянія пассажирамъ, желающимъ оказать грузовой поможъ чинамъ дѣйствующей арміи, переходить въ вагоны-мастерскую, гдѣ каждой будетъ предложена работа по ея выбору.

Исторія «красныхъ штановъ». Газета «Matin» сообщила оригинальную «исторію» красныхъ штановъ во французской арміи.

Красныхъ штановъ не было ни при Аустерлицѣ ни при Гей. Наполеону никогда не приходило въ голову наряжать въ нихъ пѣхотинцевъ.

Эта мысль возникла лишь въ 1829 году и была осуществлена съ легкой руки тогдашняго военнаго министра, маркиза де-Во.

Маршалъ не руководился при этомъ какими-нибудь тактическими соображеніями, а просто-напросто красный цвѣтъ нравится ему и казался дешево синяго.

Такимъ образомъ появились красные штаны.

Когда началась англо-бурская война и быть впервые причѣнны англичанами цвѣтъ хаки, сливающейся съ цвѣтомъ земли, во Франціи поняли, какую опасность представляютъ собой на войнѣ яркіе красные штаны — отличный прицѣлъ для противника.

Была создана первая комиссія по вопросу обмундированія, не пришедшая однако ни къ какому рѣшенію.

Вспыхнула русско-японская война — появился защитный цвѣтъ у русскихъ и у японцевъ. Франція продолжала оставаться при красныхъ штанахъ: созвали только новую комиссію.

Наконецъ балканская война, ко времени которой успѣли переимѣнить свою обмундировку всѣ арміи, кромѣ датской, бельгійской и швейцарской, вызвала созваніе третьей комиссіи. И въ 1914 году французскіе пѣхотинцы всѣтаки пошли на войну въ красныхъ штанахъ, пока наконецъ, минуя всякія комиссіи, Мильеранъ не расторгнулся: «Долой красные штаны!».

Распоряженіе министерства о предсказаніи погоды. По просьбѣ сначала военнаго, а потомъ морского министерства, отдѣленіе ежедневныхъ бюллетеней при Николаевской главной физической обсерваторіи послѣ начала военныхъ дѣйствій стало высылать телеграммы съ предсказаніями погоды для нуждъ арміи, флота и военной авіаціи. Несмотря на трудность составленія предсказаній для районовъ, погруженныхъ въ неприятельскія страны, откуда обсерваторія не получала свѣдѣній о погодѣ, предсказанія эти были, повидимому, полезны, судя по возражающему на нихъ спросу: первоначально посылались только б телеграммъ ежедневно, въ концѣ же ноября число ихъ было доведено до 26 ежедневно. Предсказанія погоды для Кавказскаго военнаго округа поручены тифлисской физической обсерваторіи, которая къ обычнымъ своимъ телеграммамъ прибавляетъ еще свои соображенія относительно вѣдѣйныхъ барометрическихъ измѣненій. Подобныя же телеграммы отправляются въ Ревель, Либаву и Севастополь, гдѣ на основаніи ихъ вычерчиваются синоптическія карты, соображаемыя предсказаніями погоды отъ Николаевской физической обсерваторіи.

Иерусалимъ — главнал квартира. Иерусалимъ превращенъ въ настоящее время въ главную квартиру турецкой арміи, оперирующей въ Палестинѣ противъ Египта. Тамъ, гдѣ прежде были лишь мирные наочники, стекаются въ Святую землю со всѣхъ странъ свѣта, теперь раздаются громкая команда и равномерные шаги марширующихъ полковъ. По городу циркулируютъ самыя чудовищныя слухи, возбуждающіе магометнъ противъ англичанъ. Тамъ, недавно распространился слухъ о томъ, что англичане украли кости пророка и что надо вести священную войну, чтобы отнять у нихъ эти реликвіи ислама. Этотъ слухъ привелъ въ невѣрнотное возбужденіе население всего города. Войска, находящіяся въ настоящее время въ Иерусалимѣ, хорошо обмундированы и вооружены самымъ современнымъ оружіемъ. Бедуины въ пограничныхъ съ Египтомъ мѣстностяхъ снабжены германскими пушками. Новсюду возведены укрѣпленія войскаго образца.

Иллюстрированный журнал литературы

1915 г. № 5

Выдастъ 31 января 1915 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

для печатанія въ журналъ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку копирейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 пираны страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страницъ 1 р. 25 к.

Цена этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается «Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка» кн. 2.

Универсальный Счетчикъ за 50 коп.

Универсальный Счетчикъ исполнитъ и дѣлать цѣлыя и дробныя числа, вычисляетъ жатваніе, проенты, ибры, вѣса, переводитъ иностранныя деньги, моментально опредѣляетъ стѣпни чистоты отношеній и т. и.

Одинъ поворотъ диска, и впередъ Вамъ цѣлый рядъ отвѣтовъ на Ваши вопросы. Конструкция Универсальнаго Счетчика чрезвычайно проста и можетъ служить модѣ, не измѣниваясь.

Универсальный Счетчикъ не только съ успѣхомъ замѣняетъ дорогіе логарифмическія линейки, но имѣетъ на практикѣ значительныя преимущества благодаря своей замкнутой круговой формѣ.

Универсальный Счетчикъ состоитъ изъ вращающагося диска на тонкомъ валѣ, вращающійся на шарнирѣ вѣсннхъ въ делулонда.

Къ Универсальному Счетчику прилагается бесплатное объясненіе, благодаря которому каждый можетъ въ нѣсколько минутъ научиться вѣдѣть имъ.

Имея, желающія приобрести Универсальный счетчикъ, благодаритъ прислать 50 коп. марками или почтой, и Вамъ немедленно будетъ выслано ва нашъ счетъ это интересное, полезное, сберегающее время и предохраняющее отъ ошибокъ изобрѣтеніе.

Заказъ также исполняется и на чужеземныя штатежомъ на сумму 70 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ книжный складъ Т-ва А. А. Леоненко, Москва, Трехпрудный пер. соб. домъ, 4.

Употребляйте PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда) отъ КАШЛЯ, простуды, насморка, охриплости.

Въ вашемъ интересѣ спрашивать, ТРЕБОВАТЬ ИХЪ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ въ КОРОБКАХЪ, снабженныхъ именемъ Valda, съ красной бандеролью.

Достаточно одной коробки PASTILLES VALDA (Лепешекъ Вальда).

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА инструментальная и вокальная. Подробные списки патриотическихъ сочиненій и нотагоги — безватоно. П. ЮРГЕНСОНЪ, Пестянский пр., 11.

МОДЫ БЕСПЛАТНО см. 2 стр. обложки.

ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ. (Тайны австрійскаго дѣла). Сопосл. въ 10-мъ изданіи романа. Цѣна за 10 выпусковъ 50 коп. Высш. изд. пач. Адр.: Москва рѣж. журн. «Лучъ», отд. 1.

Модные изящныя колье, кулоны, браслеты, кольца, броши, запонки, булавки и т. п. у фармы.

„ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ“ К. А. НАСОНОВОЙ въ Екатеринбургѣ. Существовать съ 1872 г. Иллюстрированный пр-тъ выс. бесплатно.

Самостоятельная съ 1870 года САДОВЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ Ц. УЛЬРИХЪ въ Варшавѣ (Цегляная, 11) самъ уѣздомъ, что въ Варшавѣ.

Прейсъ - курантъ сѣмянъ на 1915 годъ вышлетъ нѣтъ платно и высылается по желанію БЕСПЛАТНО.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА, простудныхъ и ревматическихъ болей даетъ Кефалдоль Д-ра Гора. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

На Кавказском фронте. Турецкое легкое орудие, забранное под Сарыкамышем. Щит пробит во многих местах осколками нашего снаряда.

пещи германских войск, которые и так у немцев заняты на всех фронтах, ищутся лишь в обреш, и даже скорей их не хватать, ибо мы видим, что на западном фронте ни на нашем, немцы наступать не могут.

В силу этого немецкий генеральный штаб остановился на единственном районе, где громадное протяжение фронта допускает различные маневренные комбинации, а именно — на австрийском фронте. Однако к такому решению немцы пришли не сразу, и окончательно их подтолкнул на новое решение прибавившие в германскую главную квартиру настанный эрцгерцог и новый австрийский министр Бурянь.

Эти лица, повидимому, вполне определенно потребовали, чтобы австрийские войска были извлечены от необходимости защищать Прусскую Силезию, а также пути к ней через Западную Галицию и Краков. Появление наших войск на границе Трансильвании, вызвавшее переход власти в Австро-Венгрии к венгерским министрам, вполне ясно подразумевало, что войска двуединой монархии отныне предназначаются для спасения венгерской почтовой государства.

Немецкий генеральный штаб, хотя и раньше придерживался австрийских войска на Надь для обороны путей в Силезию, на этот раз признал необходимым удовлетворить требования венгерских. Это тем ольше представлялось для немцев возможным, что линия окопов, проведенная по всей Польше и далее по Галиции, вдоль Дуная до самых Карпат, уже больше или меньше удовлетворительно прикрывала почти всю германскую границу. Следовательно, австрийские войска, находившиеся на линии этих укреплений, уже не так были нужны, и было расчитать отпустить их в Венгрию.

Однако германский генеральный штаб выработать себе вполне определенных отношений к своим союзникам, смысл которых укладывается, как известно, примерно, в такой формуле: «союзники для Германии, но не Германия для союзников».

Эта общая формула при ее осуществлении в немецкой стратегии выражается в том, что союзники немцев обязаны всегда и всюду наступать, хотя бы эти наступления были связаны с иными поражениями. Немецкий генеральный штаб, как он полагает, берет на себя главную задачу «разбить» противника, а союзники должны облегчать немцам эту задачу

На Кавказском фронте. Бегенцы-греки, возвращающиеся после поражения турок в свои деревни.

и для этого своими непрерывными наступлениями оттягивать на себя часть неприятельских войск.

Как мы видели, эта формула была наиболее безцеремонно проведена по отношению к Турции, и турецкие войска были брошены в бессмысленное наступление на Кавказ только для того, чтобы отвлечь часть войск и облегчить положение немцев в Польше. Опуская австрийские войска на территорию Венгрии, немцы однако ни в коем случае не могли мириться с тем, что австрийцы будут обороняться на венгерской границе. Обороняющаяся Австро-Венгрия для немцев не нужна и, по мнению немецкого генерального штаба, в таком виде является изжиной обузой, стесняющей свободу германских операций, требующей постоянно поддержки и пр.

В силу этого австрийские войска были возвращены на родину, но под обязательным условием вести наступление.

Сосредоточение австрийских войск на венгерской территории не могло не вызвать всеобщего внимания. Немецкий генеральный штаб понимал, что новой перегруппировки войск, в особенности такой, где в Венгрии перемещается масса в несколько сот тысяч человек, скрыть нельзя. Поэтому германский генеральный штаб, при помощи услужливого печатного слова, сам оновил о новом сосредоточении австрийцев в Венгрии и постарался лишь скрыть истинные намерения, связанные с этой новой перегруппировкой. Телеграммы, явно инспирированные германским генеральным штабом, гласили, что австрийская армия собирается в Венгрию, готовясь к новому походу на Сербию. Затем новые телеграммы извещали, что эти войска сосредоточиваются не против Сербии, а против Буковины, и наконец последние телеграммы сообщали, что здесь дело не в Сербии и не в Буковине, а вся операция имеет целью выручку

На Кавказском фронте. Турецкие пулеметы, взятые нашими войсками под Сарыкамышем.

Перемысли, освобождение Львова и вообще возвращение утерянной Галиции.

В том, что австрийцы не готовятся напасть на Сербию, можно было не сомневаться, невзирая на на какия утверждения в противном австро-немецкой печати. У австрийцев единичные занятия руки, слишком много опасностей угрожает им на главных фронтах, для того, чтобы они могли отвлекаться второстепенным театром — сербским. Даже тогда, когда немцы наступали на Бузру, на австрийском фронте, сравнительно, угрожал мало опасности, все же попытка австрийцев наступать в Сербию немедленно вызвала «рикошетный удар» с нашей стороны. Генерал Потioreк вынужден был послать войска с сербского фронта на наш, и это отчасти обусловило поражение австрийцев в Сербии.

Таким образом, оставались лишь единственно вероятные пути для наступления, это Буковина, либо Галиция. Самый важным в данном случае являлось то обстоятельство, что австрийцы сосредоточили в Венгрии весьма большое число войск,

Прибытие в Петроград немцев-авиаторов (4 офицера и 3 матроса), которые с дирижабля метали бомбы над Либавой и были взяты в плен нашими баркасами в море (в 1 1/2 верстах от берега) вместе с дирижаблем (гидропланом), подбитым нашими войсками и потопленным в море. (См. Отклики войны).

почти такое же, какое у них было при первом наступлении в Люблинскую и Холмскую губернии в августе месяца. Телеграммы сообщали также о перевозке на австрийский фронт еще и четырех германских корпусов, но, как и следовало ожидать, немцы такого большого числа войск австрийцам не дали, а ограничались, повидимому, одним-двумя корпусами.

Сосредоточение такого значительного числа войск, к тому же пополненных последними резервами, какие были только набраны из населения Австро-Венгрии, означало, что Австрия намерена рискнуть последней крупной ставкой. Австро-Венгрия оросает почти все, что имело, в новое наступление, и это приближает почти окончательно развязку событий на австрийском фронте.

Из этого нетрудно видеть, что новое австрийское наступление должно развить вопрос о позициях Румынии и Италии, которые естественно должны подготовиться к весьма вероятному поражению последних имбующихся в распоряжении Австро-Венгрии войск. Как известно, Румыния предполагала отложить свое выступление до более теплого времени, когда проходы в Карпатах очистятся от снега и станут более доступными. Новое наступление Австро-Венгрии поставило перед Румынией весьма серьезный вопрос о немедленном занятии этих проходов, что являлось одинаково необходимым и на случай поражения австро-венгерской армии и на случай ее весьма сомнительного успеха. И в том и в другом случае Румыния, имея в виду занятие Трансильвании, не могла отказаться от захвата проходов.

Таким образом непосредственным результатом нового австрийского наступления, — этой последней крупной ставки, на которую способна Австро-Венгрия, — явилось занятие Румынией проходов, т.е. занятие того стратегически выгодного положения, которое допускает занятие Трансильвании без всякого труда.

Однаково началось усиление военных мероприятий в Италии, которая также должна была приготовиться, в виду наступающей развязки на австрийском фронте, к занятию Триента.

Таковы были первые политические результаты нового австрийского наступления. Стратегическое же значение этого наступления обнаружилось с первых же дней новых операций. Эти операции, как видно из всех сообщений штаба Верховного Главнокомандующего, начались одновременно и на Карпатах и на совершенно противоположном конце длинного фронта — Бузры.

Таким образом стало ясно, что австрийцы ведут наступление через Карпаты, в направлении на Черемны и Львов, имея задачей: в лучшем случае — занятие Галиции, в худшем случае, как они полагают, отвлечение войск из района Бузры, Ниды и Равки. Последнее, понятно, подразумевает попытку немцев снова итнуться в направлении на Варшаву.

В итоге новая операция привела к тому, что австро-немецкие пытаются произвести в духе мстах давление: на Бузру, в направлении на Варшаву, и в то же время — на Карпатах, в направлении на Львов. В зависимости от того, где наступле-

ние будет иметь больший успех, куда должны быть быстро переселены войска по густой сети железных дорог, для того, чтобы развить этот успех.

Немцы, конечно, надеются на то, что австрийские войска, наступая, выполнят ту задачу, которую вообще немцы генеральный штаб возлагает на своих союзников, т.е. оттянуть войска от Бузры в Галицию. И тогда, как нетрудно отгадать, весьма вероятными намерения немцев, они попытаются проскочить к Варшаве. Однако то центральное положение, которое занимают наши войска по отношению к дуге австро-немецкого наступления от Карпат до Бузры, дает нам все выгоды в этом новом положении. Масса, действующая из центра по радиусам, имеет всегда преимущество перед разбросанным по длинной дуге противником.

Во всяком случае, результаты этого нового наступления, где австрийцами брошены в дело последние средства, должны быть огромны и в политическом и в стратегическом отношении. Ни Варшавы, ни Львова они, конечно, не увидят, — зато позиции Румынии и Италии станут совершенно определенными в тот момент, когда на Карпатах начнет таять снег и параллельно растает австрийское наступление.

Англо-франко-русский финансовый союз.

(Политическое обозрение).

Старое изречение, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги — находит вполне подтверждение в современной действительности. Германия начинала свои военные приготовления с накопления огромного золотого запаса, основой которого послужила французская контрибуция 1871 г. Во время войны германское правительство старалось всеми мерами изъять золото из частных рук и сосредоточить его в казне. В результате за шесть месяцев войны германский золотой запас увеличился почти на одну треть сравнительно с его суммой в начале войны. Если о финансовом и экономическом положении страны можно судить по размаху накопленного в казенных сундуках золота, то в этом отношении несомненно мир должен задо-

Колокол с австрийского военного парохода «Тынец», затопленного австрийцами на реке Висла у города Сандомира и поднятого старшим лейтенантом Б. Ю. Аверкиевым, — доставлен в Петроград на хранение в Морской Музей Императора Петра Великого.

Кормовое украшение с австрийского военного парохода «Тынец», затопленного австрийцами на реке Висла у города Сандомира и поднятого старшим лейтенантом Б. Ю. Аверкиевым, — доставлено в Петроград на хранение в Морской Музей Императора Петра Великого.

вать Германию. Однако же в действительности запасы золота несколько не мѣняются. Германия чувствовать острый недостаток въ мѣди и даже въ хлѣбѣ. На ней повторяется сказка о царѣ Мидасѣ, который принужденъ быть умереть съ голоду потому, что отъ его прикосновения все превращалось въ золото. Такой же мѣдный и хлѣбный голодъ переживаетъ теперь Германия, сидя на своихъ колоссальныхъ золотыхъ запасахъ. Притягательная сила ея золота, способность стягивать ею всѣ нужные продукты парализованы морской и сухопутной блокадой враждебныхъ державъ. Государства тройственного союза не окружены заколдованнымъ кругомъ. Моря и океаны, — мировые транзитные пути, — въ ихъ полномъ распоряженіи. Союзное золото свободно можетъ обмѣниваться на все, что нужно союзнымъ государствамъ для удовлетворенія ихъ военныхъ нуждъ, но, къ сожалѣнію, эти нужды столь громадны, что ранѣ сдѣланные запасы золота оказываются слишкомъ незначительными въ сравненіи съ неисчислимыми расходами небывалой по размѣрамъ и стоимости мировой войны.

О подробностяхъ будущаго займа въ печати не приводятся никакихъ точныхъ свѣдѣній. Мы считаемъ важнымъ отбѣ-

Галичане народные учителя, прибывшіе 8-го января въ Петроградъ на курсы русскаго языка, организованные при высшихъ женскихъ курсахъ М. А. Лохвицкой-Синаловъ. По фот. Я. Штейнберга.

тить его не съ точки зрѣнія его техническихъ особенностей, которыя своевременно будутъ оцѣнены специалистами финансовой науки, а съ точки зрѣнія необычайнаго роста международной солидарности. До сихъ поръ государства нерѣдко воевали вѣбѣ, но занимали деньги и платили долги врозь, по пословицѣ: „дружба дружбой, а табачокъ врозь“. Народная кровь цѣнилась меньше, чѣмъ золото. Но въ настоящей, совершенно исключительной по своему мировому значенію, войнѣ финансовая разрозненность угрожала и общимъ военнымъ интересамъ. Вотъ почему военный союзъ превратился въ союзъ экономическій и финансовый.

Измайловскій лазаретъ Всероссийскаго Земскаго Союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ — въ память А. Ф. Мариса.

Казакъ изъ Техаса.

Разсказъ Бориса Мирскаго.

— Эди, Эди... иди сюда!.. скорѣй!.. Подучены газеты... слышишь? Германия объявила намъ войну... намъ... нѣтъ, ну, конечно, не Штатамъ... намъ — Россіи... и Австрія тоже... Мы будемъ воевать... Иди скорѣй... читай самъ...

Высокій крѣпкій старикъ съ цѣлой копной сѣдѣющихъ каштановыхъ волосъ стоялъ на крыльцѣ просторнаго деревяннаго дома и, держа въ рукахъ кипу свѣжихъ газетъ, звалъ сына. Молодой ковбой только-что прискакалъ къ воротамъ усадьбы: торопливо привязавъ коня, быстро пробѣжалъ дворъ, позвякивая ботинками мексиканскими шпорами, и, взойдя на крыльцо, углубился въ пачку газетныхъ листовъ, беспорядочно брошенныхъ на стулѣ.

— Неужели же это правда, отецъ? Война? Несчастная Сербія... они хотятъ раздавить ее. „Всеобщая мобилизація въ Россіи“... „Австрія бомбардируетъ Бѣлградъ“... „Нѣмцы вторглись въ Бельгію“... Боже мой, вся Европа воюетъ! „Японцы прервали дипломатическія сношенія съ Берлиномъ“... Даже японцы...

Сюда, въ заброшенный уголокъ Техаса, почта приходитъ и то съ грѣхомъ пополамъ — разъ въ мѣсяцъ. И вотъ только теперь плотная пачка нью-йоркскихъ газетъ сообщила этимъ степнымъ отшельникамъ потрясающія новости мировыхъ событий.

Молодой ковбой продолжалъ читать, а старикъ, напряженно слушая каждое слово газетныхъ телеграммъ, смотрѣлъ куда-то вдаль, поверхъ остроконечнаго забора, какъ будто выискивая въ безконечной, какъ море, холмистой степи какіе-то далекіе, забытые отзвуки сжатыхъ строчекъ военныхъ извѣстій.

„Война... Россія... Нѣмцы заняли Калининъ“... — И старый ковбой уже не слушалъ о геройствѣ люксембургскаго гарнизона, о подвигѣ люксембургской герцогини, о сербахъ, о нѣмецкихъ разгромахъ. Сынъ давно уже кончилъ читать газету, а старикъ, прислонившись къ деревяннымъ периламъ, все еще задумчиво смотрѣлъ въ синѣющую даль степныхъ сумерекъ.

Рождественскій вечеръ. Автомобильный отрядъ въ городѣ Радомѣ. По фот. нашего спеціального корреспондента.

II.

Жизнь Станислава Рушницкаго рѣзко всколыхнулась и надломилась въ самый неожиданный моментъ. Сначала все улыбалось молодому инженеру. Въ двадцать три года Рушницкій блестяще окончилъ институтъ путей сообщенія. Его проектъ „О примѣненіи электрической тяги на желѣзныхъ дорогахъ“ вызвалъ буквально бурю восторга въ свѣтѣ профессоровъ. Ему предлагали готовиться къ профессурѣ, сулили блестящую научную карьеру, но молодого путейца не увлекла отвлеченная академичность теоретическаго знанія. Хотѣлось кипучей творческой дѣятельности, хотѣлось работать, потонуть въ лихорадочномъ трудѣ. И Рушницкій расстался съ институтомъ.

— Нѣтъ... не хочу... меня тянетъ работать, строить... Въ Россіи нужны инженеры... Вѣдь у насъ желѣзнодорожное дѣло только въ началѣ...

Старый директоръ съ неизменной звѣздой на камергерскомъ мундирѣ, гордившійся, что чуть ли не на первомъ паровозѣ позвалъ императора Николая I. только плечами покачалъ.

— Какъ хотите... Можетъ быть, вы и правы... Во всякомъ случаѣ желаю успѣха.

Приго изъ института Рушницкій попалъ въ кипучую атмосферу желѣзнодорожныхъ изысканій. Потѣхалъ куда-то на Уралъ и почти на цѣлый годъ застрялъ въ глуши. Щеголеватого столичнаго студента нельзя было узнать! Послѣ узенькихъ брючекъ, франтоватыхъ свитковъ и зеркальнаго блеска ботинокъ — рваная косоворотка, смазные сапоги и безформенная, неопредѣленная факонка шалочка. Цѣлыми днями приходилось бродить по болотамъ, горамъ и непроходимымъ лѣсамъ.

Въ путейскомъ мірѣ о немъ уже говорили: — „Молодой, талантливый, энергичный“. И черезъ два-три года, безъ связей, безъ закулисныхъ рекомендацій, не забывая съ заднего крыльца желѣзнодорож-

На станціи Радомѣ. Разгрузка подарковъ, отправляемыхъ на передовыя позиціи. По фот. нашего спеціального корреспондента.

Раздача подарков на передовых позициях. По фот. нашего специального корреспондента.

ных тузов, — Руцинский получает место начальника участка на строящейся магистрали.

Новую дорогу проводят в заходистой степи нашего провинциального юга. Условия были тяжелы: песчаная степь, горы, масса речек. Но «пань Станислав», так называла его крепкая путевая колония, ютившаяся прямо на полѣ, въ каком-то старом сараѣ, — творилъ чудеса. Чуть ли не ежедневно онъ показывалъ столько изобрѣтательности, солидныхъ званій выѣзѣ съ житейской сѣткой, что изъ Петербурга ему слали комплименты за комплиментами; а когда прѣзжалъ грузный, обрюзгшій банкиръ-директоръ дороги, про котораго говорили, что «онъ весь Петербургъ и всю Москву вотъ гдѣ держитъ», то этотъ разсѣянный крѣзь цѣлый часъ бесѣдовалъ съ небритымъ, оборваннымъ, вывалившимся въ грязь, инженеромъ.

Руцинскій чувствовалъ, что карьера обезпечена. Объ этомъ онъ часто думалъ по ночамъ, когда въ душномъ сараѣ не спалось, а южная ночь, сверкающая звѣзднымъ ковромъ, такъ манила выйти гулять по новенькому, блестящему убѣгающей сталью рельсовъ, полотну. И на душѣ тогда ликовала радость молодости, успѣха и счастья.

III.

Въ участіи Руцинскаго работала молодая инженеръ Шварцъ. Нѣмецъ, едва владѣвшій русскимъ языкомъ, Отто Шварцъ былъ приглашенъ изъ Берлина, какъ спецiальнѣе по постройкѣ мостовъ. Пань Станиславъ сразу не влюбилъ этого тучнаго чваннаго нѣмца, всегда пренебрежительно говорившаго о Россіи, о русскихъ людяхъ, бранившаго все и всѣхъ кромѣ своего фатерланда. Поляковъ Шварцъ прямо не выносилъ, ненавидѣлъ. Онъ буквально захлебывался, когда разсказывалъ, какъ его братъ, нѣмецкій учитель въ Познани, съчесть въ школѣ польскихъ дѣтей. Руцинскій нѣсколько разъ обрывалъ зазнавагося нѣмца, и съ первыхъ же дней совместной работы у нихъ установились неприязненные, хотя внѣшне любезныя отношенія.

Однажды вечеромъ къ инженерамъ прѣехали гости изъ соседняго участка. Устроили импровизированный ужинъ, пѣли хоромъ, зажгли костры, расшалились, какъ дѣти. А вечеромъ кто-то предложилъ сыграть въ карты, и всѣ усадились за столъ, прямо на полѣ. Денегъ было много: крупное жалованье да масса казенныхъ денегъ на рукахъ — плата рабочимъ, подрядчикамъ. И черезъ какой-нибудь часъ на столѣ появились пятноестенныя бумажки и цѣныя горки золотыхъ. Выигрывали и проигрывали попеременно. Но къ концу ночи игроки такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ на востокъ зарозовѣла узенькая полоска приближающейся зарю.

Раздача подарков на передовых позициях. По фот. нашего специального корреспондента.

выигрывать только Шварцъ. Онъ лихорадочно сдавалъ карты, волнуясь и горячась изъ-за каждой ставки, а на столѣ передъ нимъ уже лежали цѣлый ворохъ смятыхъ бумажекъ.

Руцинскому не везло. Онъ проигралъ всѣ свои деньги, занялъ у товарища и тоже проигралъ. Какой-то внутренний голосъ инстинктивного благоразумія останавливалъ его. Но азартъ молодости разжигалъ.

«Загадаю: будетъ орелъ — брошу играть, рѣшка — возьму изъ сундучка», — подумалъ онъ.

Взявъ пятирублевикъ и высоко подбросивъ кверху. Монета блеснула золотой искоркой въ темнотѣ предразсвѣтныхъ сумерекъ и зарылась въ травѣ. Руцинскій подождалъ и поднялъ ее. «Рѣшка!»

Онъ зашелъ въ сараѣ, досталъ изъ сундучка-мешки толстый, перетянутый резинкой бумажникъ и сѣлъ опять играть.

Банкъ металъ Шварцъ. Руцинскому опять не везло — онъ проигрывалъ каждую карту. Уже почти совсѣмъ разсвѣло. Инженеры, осунувшіеся, съ землистыми лицами безсонной ночи, сидѣли усталые, облокотясь на столъ. Было странно видѣть при яркомъ утреннемъ солнцѣ пятнадцать человѣкъ, прямо подъ открытымъ небомъ сидѣвшихъ за карточнымъ столомъ.

— Господишъ Шварцъ, сколько у васъ въ банкѣ? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Руцинскій.

— Двадцать одна тысяча...

— По банку!

Зашелестѣли карты. Весь столъ замеръ. Только изъ-за рѣки вырывались заглушенные звуки пѣсни — уже шли рабочіе на работу.

— Бита! — крикнуть нѣмецъ.

Всѣ сразу, словно проснувшись, засуетились, заговорили. Руцинскій бросилъ на столъ лачку новенькихъ бумажекъ и всталъ.

Изъ-за поворота пути подѣзжала дрезина. Начался рабочий день.

IV.

Руцинскій былъ внѣшне спокоенъ: какъ всегда, методично отбиривалъ вѣхи, провѣрялъ десятниковъ, съ головой уходилъ въ шумную суету работы. Но въ душѣ что-то оборвалось.

«Теперь все кончено... конецъ карьерѣ, всему концу... Тридцать тысячъ... тридцать тысячъ... взять не у кого... никто не дастъ... Попросить у нѣмца?.. Никогда... никогда... да онъ и не дастъ... Скоро ревизія... прѣбѣдуть... судъ... тюрьма... позоръ... и конецъ, конецъ всему!»

Руцинскій думалъ о самоубійствѣ, писалъ разъ десять записку

матери, живущей гдѣ-то подѣ Ломжей, рвалъ эти наивныя квитанціи смерти, смѣялся, потому что опять впадалъ въ отчаяніе. Но въ концѣ концовъ побѣдилъ молодость, жажда жизни, буйное, страстное желаніе жить. Онъ написалъ нѣсколько писемъ, одѣлся и велѣлъ заложить лошадей.

Всю ночь мчался Руцинскій по накатанной степной дорогѣ. Рѣзкій вѣтеръ билъ въ лицо, накрапывалъ дождь, а мысли, спутанныя въ больномъ, тревожномъ клубкѣ, шептались:

«Все кончено... конецъ всему!»

V.

— Инженеръ Станиславъ Руцинскій?

— Я...

Щеголоватый австрійскій чиновникъ подволочиской таможни вручилъ Руцинскому паспортъ. Снова вагонъ, трясущаяся узкая скамья, молниеносныя остановки, отрывистое «ззда» галицкихъ кондукторовъ, еще ночь въ вагонѣ — утромъ Вѣна. Безконечно тянутся Зальцбургскія горы, поѣздъ ныряетъ въ темнотѣ ежеминутныхъ туннелей, вырывается на свободу и тихо, словно усталый, громыхая, останавливается у Триестскаго вокзала.

Пароходъ въ Аргентину уходилъ только черезъ два дня, и Руцинскій часами бродилъ безъ дѣла по шумнымъ улицамъ красиваго, сверкающаго города.

«Совсѣмъ Италия, — думалъ Руцинскій. — Никто не говоритъ по-нѣмецки!»

Подымался на высокую Общину и зачарованный смотрѣлъ на маячащіе въ морскомъ туманѣ купола венеціанскихъ дворцовъ.

«Хорошо здѣсь!»

Ласкающая прелесть южной природы отгоняла тревожныя, горькія мысли.

На призывъ выступающей въ Лондонскомъ театрѣ русской артистки Лидіи Георгіевны Кякшты жертвовать табакъ для русскихъ солдатъ англійская публика отвѣтила присылкой огромнаго количества папирозовъ, сигаръ и табану. Пожертвованія, продолжающія поступать до сихъ поръ, Л. Г. Кякшты сама привезла нынѣ въ Петроградъ. На нашемъ снимкѣ Л. Г. Кякшты изображена въ Лондонѣ, среди присланныхъ русскимъ солдатамъ подарковъ.

Раздача подарков на позицияхъ.

«Вотъ уѣду въ Буэносъ-Айресъ... буду работать... Узнаютъ... Ну, буду жить подѣ чужимъ именемъ... не пропаду!»

И, перебирая въ головѣ тысячу плановъ, самыхъ фантастическихъ возможностей, Руцинскій задремалъ на жесткой постели дешеваго номера матросской гостиницы.

Вотъ онъ — богатый аргентинскій плантаторъ... Громадная усадьба... миллионеръ... прѣзжаетъ въ Россію... возвращаетъ тридцать тысячъ... концессія на новую тысячеверстную дорогу... роскошный особнякъ на Морской...

Когда онъ проснулся, уже было утро. Солнце ярко свѣтило, переливаясь золотыми пятнами въ голубомъ морѣ. Онъ взглянулъ на часы.

«Восемь... Черезъ два часа отходить пароходъ».

VI.

Три года въ Аргентинѣ...

Масса новыхъ впечатлѣній, новая страна, новые, чужіе люди, весь особый, своеобразный укладъ экзотической жизни — преобразилъ Руцинскаго. Прѣбавъ сюда почти безъ гроша, онъ чуть ли не каждую недѣлю мѣнялъ профессию. Сегодня матросъ, черезъ мѣсяцъ ковторщикъ, потомъ лакей нортоната ресторана, охотникъ, сержантъ аргентинской гвардіи, телеграфистъ, англійскій проповѣдникъ, нѣздникъ научился всему и зналъ все, какъ научатся знать только въ Америкѣ.

Еще черезъ нѣсколько лѣтъ судьба перебросила Руцинскаго въ Мексику. Прямо изъ уличнаго цирка, въ которомъ онъ забавлялъ неприхотливую толпу бадашного райка, Руцинскій попадаетъ въ отрядъ мексиканскихъ инсургентовъ. Недѣлями ночуетъ въ полѣ, цѣлыми днями не спитъ съ сѣдла, не разъ одинъ вмѣстѣ съ горсткой повстанцевъ отстривается гдѣ-нибудь въ 10-рахъ отъ цѣлаго правительственнаго батальона. Наконецъ, послѣ восьмилѣтнихъ скитаній, словно вырванныхъ изъ увлекательныхъ страницъ майнъ-ридовскихъ фантазій, полныхъ самыхъ невероятныхъ приключеній, онъ, огуравшій бородастый конбой Стэнли Рутъ, поселяется въ заброшенной деревушкѣ Техаса.

Отъ Аргаса до ближайшей железнодорожной станціи чуть ли не тысяча километровъ. Никого вокругъ; въ маленькой деревушкѣ живутъ лишь одни ковбои.

Женщина-доброволец Маргарита Романовна Коковцова, вступившая вольноопределяющимся в ряды Астраханского Казачьего Войска, раненая в голову на разведке на восточно-прусском фронте, награжденная за боевые заслуги медалью на Георгиевской ленте и званием для излечения в Петрограде. М. Р. Коковцова — среди раненых солдат в лазарете, устроенном ею на свои средства.

Через два-три года Рушнинский имѣлъ уже большую усадьбу, колоссальный табунъ, оставивший по всемъ окрестностямъ: онъ успѣлъ жениться на какой-то танцовщицѣ бродячаго цирка изъ Вальпараисо, имѣлъ сына и занялъ спокойной жизнью зажиточнаго ковбоя. Однообразно потянулись дни труда, опасностей, покое и одиночества на другой. Мало-по-малу забывалась Россія, тихій домикъ въ Ломжѣ, гдѣ жила мать, институтъ, товарищи-путейцы, изисканія, карьера, злосчастная ночь на постройкѣ, скитанія. Усталая душа оправлялась отъ страшнаго краха.

VII.

Цѣлый день казаки отстрѣливались отъ нѣмецкаго отряда. Прусскіе уланъ было почти три эскадрона—это на сотню уральцевъ! Къ вечеру съ обѣихъ сторонъ устали, — надобно осыпалъ другъ друга спичковыми дождями. Казаки отъѣхали за пригорокъ и, выставивъ часовыхъ, расположились на ночлегъ. Привязали коней, поѣли, что Богъ послалъ въ разоренномъ фольваркѣ, и улеглись спать.

Рушнинскій здѣсь...

Въ заброшенной техасской деревушкѣ цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ отдѣлял его отъ Россіи, отъ поляковъ, отъ родины, отъ родного языка. И вдругъ съдой старикъ съ надломленной, неожиданно исковерканной жизнью почувствовалъ, что онъ нуженъ не здѣсь, въ ковбойскомъ поселкѣ, а тамъ, далеко, на берегахъ Вислы, гдѣ идетъ страшная народная война. Онъ почувствовалъ это, когда Эдди читалъ ему нью-йоркскія газеты, чувствовалъ въ эти два мѣсяца, пока онъ, мѣняя лошадей на поѣздъ, поѣздъ на пароходъ, пароходъ опять на поѣздъ, добрался до Варшавы.

Ихъ зачислили въ казачій полкъ.

Солдаты полюбили эту странную чету ковбеевъ, а офицеры прямо не могли нахвалиться чудо-наблюдателями. Даже самые искусные въ джигитовкѣ уральцы любовались ѣдой ковбеевъ.

— Какъ ѣздятъ американцы! Куда нашьмъ...

Теперь ихъ сотня уже цѣлую недѣлю верелъ на сорокъ впередъ главнаго отряда, идетъ по заброшеннымъ, непаханнымъ полямъ и разореннымъ польскимъ усадьбамъ.

Казаки, утомленные долгимъ переходомъ, заснули тяжелымъ, усталымъ сномъ. Эдди спалъ, растинувшись на землѣ, а отецъ сидѣлъ рядомъ, пронизывая своими зоркими степными глазами окружающую черноту ночи.

Еще свѣтало, когда нѣмцы снова начали стрѣльбу. Казаки отстрѣливались, экономно выпуская патроны, и каждая вспышка бѣлаго дыма казачьей винтовки укладывала кого-нибудь изъ неуклюжихъ пестро-мундирныхъ уланъ. За ночь къ нѣмцамъ подошли подкрѣпленные: сотня теперь имѣла передъ собою цѣлый полкъ. Пришлось отступить. И казаки медленно отходили по изрытому снарядами, мокрому отъ трехдневнаго дождя, шоссе.

Рушнинскій и Эдди ѣхали молча сзади, оставивъ почти на цѣлую версту отъ своей сотни.

Вдругъ, на поворотѣ дороги, прямо изъ лѣсу сверкнули яркіе кивера уланъ. Какіхъ-нибудь тридцать шаговъ отдѣляли ковбеевъ отъ нѣмцевъ...

воплемъ Рушнинскій выхватилъ изъ-за пояса лассо—даже здѣсь не разставался онъ съ этимъ длиннымъ ремнемъ—и, метнувъ его, сразу притянулъ двухъ полузадушенныхъ нѣмцевъ. Третій повернулъ коня и уекалъ въ лѣсъ.

Рушнинскій сбѣзъ съ лошади и подошелъ къ сыну.

— Убить...

Старикъ опустился на колѣни и поцѣловалъ мертваго.

Въ первый разъ изъ старческихъ глазъ потекли горячія слезы.

Изъ-за деревьевъ грянулъ выстрѣлъ. Жгучая боль рванула все тѣло Рушнинскаго; онъ хотѣлъ вскопчить, обернуться. Но уже все смѣшалось въ сознаниіи и мысляхъ, и ковбой беззвучно упалъ на трупъ сына.

На дорогу вышелъ нѣмецкій уланъ. Медленно, озираясь, онъ подошелъ и обшарилъ карманы убитыхъ. Вынулъ кошелькъ, маленькій кожаный бумажникъ, сорвалъ какой-то медальонъ и, толкнувъ убитыхъ, скрылся за деревьями.

VIII.

Рушнинскій ожесточенно рубилъ; въ какомъ-то наступленіи направо и налево сыпалъ онъ удары своей кривой шашкой. Уже двое на-смерть раненыхъ нѣмцевъ лежали на гравѣ, а третій, покачнувшись въ сѣдлѣ, грузно, какъ мѣшокъ, опустился на землю.

— Отецъ!.. отецъ!..

Старикъ порывисто обернулся. Трое уланъ окружили сына; правая рука молодого ковбоя, окровавленная, безпомощно висѣла вдоль плеча, а лѣвой, вооруженной, онъ неуверенно отбивался отъ враговъ.

— Эдди!..

Поздно. Уже, безъ стона, послѣднимъ безсознательнымъ движеніемъ схватившись за рану рукой, юноша падалъ съ лошади.

Тогда изступленно, съ дикимъ

Женщина-доброволецъ М. Р. Коковцова.

Автомобили, приспособленные для перевозки раненыхъ. У праваго автомобиля стоитъ слѣва уполномоченный Всероссійскаго Земскаго Союза С. В. Глѣбовъ, заведующій отрядомъ.

Русскіе орлы.

Спизуаты Н. Симбирскаго.

I. Капитанъ Калитинъ.

— Нѣмцы наступаютъ...

Это слово облетѣло городъ и аванпосты съ быстротой молніи... и принято было спокойно.

— На то и крѣпость, чтобы ее защищать!..— философски сказалъ коренастый капитанъ крѣпостной артиллеріи Калитинъ, присасывая короткую трубку: — будемъ отстрѣливаться!

— Будемъ отстрѣливаться, — какъ эхо,

Повозка, приспособленная для эвакуации раненыхъ.

Палатки въ разобранномъ видѣ.

повторить молодой поручикъ и невольно устремилъ взоръ туда, въ млпстную даль, гдѣ за пустынными горами скрывалась Россія и все дорогое, тамъ оставленное.

— А ты думаешь, какъ! — продолжалъ капитанъ, пуская густую струю дыма. — Крѣпости стрѣять, чтобы любоваться на нихъ изъ подъ стеклянный колпакъ ставить? Нѣтъ, братъ: сюда миллионы убитыхъ, такъ мы ихъ должны вернуть съ ливхой!.. Чтобы каждый нашъ русскій цѣлковый нѣмцу въ сто марокъ вскопчить! Вотъ что нужно. Одни мы теперь, никто насъ не видитъ, а поручено намъ великое дѣло: честь Россіи намъ отдана на поруки... И дѣло намъ теперь нужно дѣлать просто и твердо: до послѣдней минуты отстояться, умереть, но не сдаваться!

Поручикъ слушалъ монотонныя рѣчи батальоннаго командира, а сердце жестоко ныло.

7-й Полевой Врачебно-Питательный отрядъ Всероссійскаго Земскаго Союза, отправленный на Кавказскій театръ военныхъ дѣйствій. (См. „Отклики войны“). По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспрещается.

Наружный видъ походной палатки.

Не трусость это—нѣтъ! Молодъ еще очень, едва пушокъ на губѣ завился, а успѣлъ уже обстрѣляться за три мѣсяца. Инсемъ нѣтъ отъ своихъ—вотъ бѣда! И когда будутъ, кто знаетъ? Что дѣлаетъ она тамъ, далеко? Тоскуетъ ли, скучаетъ ли? А, можетъ-быть, уже забыла! Невѣсту дома оставилъ, вотъ горе! И везодитъ порывисто поручикъ на брустверъ и подставляетъ плачущее лицо рѣзкому вѣтру: не донесетъ ли вѣтеръ какой вѣсточки съ дорогой родной стороны.

7-й Полевой Врачебно-Питательный Отряд Всероссийского Земского Союза, отправленный на Кавказский театр военных действий. (См. «Отклики войны»). 1. Походная церковь. 2. Палатка-госпиталь. 3. Палатка для персонала отряда. По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспроизводится.

Грозно молчат батареи... Из-за крепких окопов высунули стальные шеи орудия... и прислушиваются... Короткомордая мортира задорно смотрит вверх: так и кажется, что хочет плюнуть своим стальным плевком на перистое облако, выходящее над бруствером.

Неподвижно стоит часовая: оперся на ружье и вглядывается вниз, туда, в долину, где неясными точками и силуэтами вырисовываются линии немецких войск.

„Копшатся муравьи, — думает часовая: — видно, артиллерию налаживают... Да далеко еще: не достанешь до них...“

А в землянке русские орлы мирно чаек попивают. Капитан вторую трубку набил и все к поручику пристаёт.

— Сыграем, брат, в винт с двумя болванами... Все время скоротаем. Ну-ка по тысячной... Идет?

Сидя с сумерки надвигаются сразу. По небу быстро-быстро бегут раздранные облака, сшибая, нагоняют друг друга, сталкиваются и опять бегут все дальше и дальше.

— Ну, теперь за дёло, — говорит капитан, расправляя отекшие ноги: — иочь хитра. Глаза нам надо в зубы взять... Дозорные, по мёстам! Ребята, гляди в оба у меня... Не проморгай!

Рёзко и бодро звучит команда. Капитана не узнать: совсем козырем расхаживает по своей батарее. Ходит и с солдатами „балакает“.

— Семенов, ты чего морду скривил? Скучно, брат? Ничего, обтерпешься. Служба, братец, великое дёло, солдат должен веселый быть, а перед боем и подавно...

Подтягивается и другой солдатик, прочь гонит грусть, нельзя, командир больно веселый.

— Лисицын, ты что, брат, за орудием плохо смотришь... Вон пятно. Вычисти. Не хорошо, брат, с орудием надо, как с отцом: почитать его надо! Вольно, вольно, ребята! Не вставай, здесь мы в бою — не на народ... Накосыришься еще!

Проходит командир всю батарею. Оживают солдаты.

— Капитан у нас — душа-человек. Весело с ним сражаться даже. Пра...

А капитан Калинин взобрался на бруствер, бинокль в руки взял и вглядывается в густую даль, подернутую темнотой.

— Близко... Враг не за горами... Подойдет не нынче, завтра...

Надо быть готовыми...

Словно утонуча батарея во тьме. Огней не зажигается, врагу не показываются...

Рёзко прорезали тьму лучи прожектора с горы и пошли гулять по долине — врага нащупывать... Теперь уже ясно видно: идут, обкладывают... Вон, вон пошлет кучка... Что-то тащат... Орудие!

Не пора ли?

Ходуном заходила старая боевая кровь в капитана. Бросился к телефону, звонит. Ответ пришел: начинать надо.

— С Богом, ребята! К орудиям, наводчики! Готовь снаряды!

Все кипит на батарее. Закопшились солдаты. Около орудий наводчики хлопчут. Капитан сам вездь помогает.

— Сидоренко! Вон, вон эту кучку, друг! В эту вон, которая погуще... Постарайся, брат... Сдай милость, потрафи!

— Рад стараться, наше высокоблагородие!

Бравый бомбардир — наводчик из малороссов, приземистый атлет — ворочает орудие колесом, как игрушку. Тут же поручик Иванов вычисления смотрит.

— В самый раз, вашбродь... Потрафим... Всё откакивают от орудия.

— Первое!

С визгом вырывается снаряд из жерла. Грохочет выстрел и разом будит уснувшую окрестность, дробя звук на тысячи эхо.

Заговорили батареи...

Капитан Калинин потускнел от пороха. Мушкетер забросил землей, осколком гранаты обрызгали... А с батареи не сходит ни на минуту, от орудия к орудию бьются всюду сам.

— Носики!

— Эх, еще один! — досадливо кричит капитан и ботвенно морщит лицо. — Осторожней, ребята, осторожней нес... Ишь, Петрушенко, несчастный, угодил куда... А славный был солдат... Давай второй!

Грохочет выстрел.

Жалко капитану солдат. Как увидит раненого, точно ему самому что-то режут: весь сморщится. А некогда жалеть-то долго: работа идет горячая... Грохочет батарея, вся дымом заволочена... Сыплет смертью на врага, и сама смерть принимает.

Только к утру затихло ночное дёло... Опять солнце блеснит. Морозец легкий. Миновала страшная ночь...

Замолчали немцы, отошли. Замолчали и наши. Подобрали раненых, санитары сдали. Сидят солдатики в землянках, кашу делят. Только часовые опять зорко смотрят.

— Поручик, иди сюда! Теперь и отдохнуть не грех... настрелялись. Эй, Никитин, дай-ка нам чайку!

И опять капитан Калинин и поручик Иванов в землянке сидят и мирно чаек попивают. Как будто и дёла не было...

II. Мичман Галкин.

Это был юноша румяный, крепкий, как молодой дёсовой орех. С веселыми сёрыми глазами и каштановыми кудрями, упрямо завывавшими даже сквозь форменную корпусную стрижку.

Только три месяца, как выскочил он из своего морского гнезда на Васильевском острове: попал в экстренный выпуск мичманов для Балтийской эскадры.

Мичману Галкину всего девятнадцать лет... И это — его самое „слабое место“. Он говорит молодым, срывающимся баском, переходящим иногда еще в детский дискант. И постоянно просится в бой. Ему скорбь хочется боевого крещения.

Когда мать провожала его на вокзал и слезы ей лились неудержимой рёчкой, новый мичман мужественно сдерживал надвигающийся рыдания и намёренно сурово попорил: — Мама... Не плачь... Мне неловко... Ты понимаешь? Я бду исполнять свой долг...

И только, когда поезд уже пошел полным ходом, бледный новопеченный мичман забрался в самое укромное место вагона, вдали от всех глаз, и здесь дал восток своим слезам — детским, горячим, скоропроходящим.

Жаль было маме... Жалко Наю. Маленького Ваню жалко. Жалко и маленькую Жучку, которая так радостно встречала его всегда залившимся лаем при отпусках из корпуса. Всех жалко. А себя? О себе самом Галкин не думал совсем, даже и в этот момент.

И чем дальше убегал поезд, тем бледнее и бледнее становились все милые лица, уходили куда-то в даль и таяли.

Морская семья в Кронштадте приняла молодого мичмана очень хорошо. Так всегда принимают молодых морских птенцов: старые морские волки: радушно и благожелательно.

Не прошло и недели, как сёвжий, молодой Галкин уже попробовал пороха. Правда, на передовые суда его еще не пустили, пока он не сест еще береговую службу, но он уже видел летящие снаряды, слышал гром орудийных выстрелов, видел раненых, и больно сжалось его детское сердце при взгляде на эту печальную картину войны.

Но боевое воспитание идет ускоренным темпом — здесь некогда проходить все степени и категории мирного времени. Еще через

7-й Полевой Врачебно-Питательный Отряд Всероссийского Земского Союза, отправленный на Кавказский театр военных действий. (См. «Отклики войны»). 1. Палатка-столовая. 2. Палатка-кухня. 3. Палатка-баня. По фот. С. А. Баранова. Перепечатка воспроизводится.

крутой, слегка загибающийся сверху, развоенный подбородок.

Уши, хоть и не выдающиеся калибра, но поставленные почти перпендикулярно к щекам и странного фасона — с вывернутыми верхушками и с множеством каналов и углублений.

И как же было не улыбаться при виде такой фигуры, в особенности, если принять во внимание, что по всему смыльному лицу его и даже по блестящей лысине была разлита бездна хитрого добродушия, да и то еще, что лицо это в рвдкие минуты, разумеется, вне строя, оставалось спокойным, а все время либо губы выдвигались смыльные гримасы, либо нос раздувался и фыркал, либо глаза комически бегали из угла в угол, либо свои вбисталицы, либо наконец, что даже выходило из границ естественного, уши двигались вверх и вниз, а вместе с ними и вся блестящая котка, покрывавшая его череп, то надувалась над глазами, то расплывалась к затылку.

Командир роты, в которую он попал, с любопытством оглядел этого человека и спросил его, как попал на военную службу, и чуть что не спросил, где он научился всем своим штукам. Кубышка дал основательные ответы, но, разумеется, самые краткие, ибо нельзя же было рассказывать начальству всю свою биографию, вытянувшись в струнку и держа руку под козырек.

Приказание ординарцу.

жали где-то в банк. За пятнадцать лет постоянного вращении среди немцев, так как он почти исключительно с ними имел дело, он отлично научился немецкому языку, и, когда, случалось, он расшутится, начинать говорить по-немецки и называть тогда себя не Корвеем Кубышкой, а Карлом Кубенштейном.

— Это, — говорил он в таких случаях: — если меня где-нибудь застукать немец, так я у него не пропаду. Я им такую немецкую канитель заведу, что они уши развешают. Я им покажу, какие в нашей стороне Карлы Кубенштейны бывают. Хо-хо! Я все ихние штуки знаю. У меня один знакомый пастор имбется, — теперь он уже к своим убит, — так он, бывало, говаривал: когда, говорит, откроется война и наши, — это, выходит, немцы-то, — придут и владеть этой немецкой землей станут, то я тебя, Кубышкен, в нашу немецкую втру перекрещу, и будешь ты настоящий немец, и имя тебе будет не Корней Кубышкев, а Карл Кубенштейн. А я думаю себе: ладно, это мы еще посмотрим, кто кого перекрестит, а ему-то говорю: согласен, так тому и быть. Потому у него водилось целое стадо свиной-юркиров, кормил он их и за мор, значить, немецкое благочестие по

Часовой с подчаском.

И командир узнать, что родился Кубышка в Черниговской губернии, но что это было очень давно. В надлежащем возрасте он служил в солдатах, а после службы каким-то образом попал к немцам, т. е. в Прибалтийский край.

Простой солдат из хохлацких мужиков, в школе однако научившийся грамоте и не забывший ее, он некоторое время работал в качестве простого батрака, но ему это было не по нраву, перешел в город, сперва в какой-то маленький, потом в Митаву, а затем добрался и до Риги и здесь занялся комиссионерством. Взял по деревням и скупал у мелких хозяев свиней и телят и перепродавал их мясникам в город.

Начал он это дело без денег, но потом расширил свое предприятие и стал скупать целые небольшие партии и доставлять в Либаву на пароходы для Германии и Англии. В результате у него были деньги, которые де-

Ружья австрийцев, бывавших с поля сражения и взятых в плен.

Из действующей армии. По фот. нашего специального корреспондента.

Переправа через реку.

полтиннику на каждой свинье уступать. Так вот теперь мы их и крестим. И попался мне этот самый пастор, и я его перекрестил бы прикладом... Даром что полтинники уступать... Ого, все они на один манер: от Рассен берут и на Рассею тьнуть.

Таков был Корней Кубышка. Если к этому прибавить, что он по своему возрасту (ему было сорок два года) не должен был идти из запаса в армию, а пошел по желанию, — притом, несмотря на то, что у него были деньги, а следовательно и известная избалованность, — простым солдатом, то перед нами предстанет в законченном виде вся личность Корнея Кубышки.

А зачем же ты в солдаты пошел, кто тебя тянул? — спрашивать его товарищи.

Зачем? А зачем, что я очень уж хорош под немца. И балакалку их знаю и всякую ихнюю фигуру и могу нашему войнству большую пользу оказать. Да вот хотите, братцы, послушать, я вам проповедь скажу... Так вы от пастора меня и не отличите.

Железнодорожная сторожка.

Мост на шпалах, выстроенный вместо железного моста, разрушенного неприятелем.

Из действующей армии. По фот. нашего специального корреспондента.

И начал говорить проповедь по-немецки, с постным лицом, с закатыванием глаз, со всеми интонациями, с патетическими выкриками и ужимками пастора.

А го, может, желательнее иметь пхнюю команду, как, скажем, на пароходе немецком капитан приказывает?

Выполнить и это — низким окриком голосом, скороговоркой, придавая отчаянные ругательства, которые для просвещения слушателей тут же, в скобках, переводить на русский язык; и показывать много других изобретений вплоть до хрюканья немецкой свиньи, которое тоже, очевидно, было особенное и происходило на особом, по его уверению, свином языке.

И совершенно понятно, что с той минуты, как в войсковой части завелась такая личность с столь разнообразными талантами, мрачное настроение как рукой сняло. То там, то здесь слышался веселый смех, и было замечено общее оживление.

И. Через несколько дней рота пошла в дело, и ей пришлось рыть окопы и сидеть в них.

Так уж можно сказать, что это была самая счастливая рота. Что веселит ее своими шутками Кубышка, это уж само собой разумеется. Когда где-нибудь вблизи разрывалась шрапнель, то в окопах с его стороны раздавались такие отборные немецкие ругательства, которые, если они долетали во вражеский лагерь, один способны были произвести в нем потрясение.

Но кроме этого он, как оказалось, обладал еще совершенно исключительными способностями: например, при помощи ведра воды, пары яблочного сока или каких-нибудь фруктов, а то и без них, и пригоршни муки он мастерил напиток, похожий не то на пиво, не то на брагу, не то на квас, но во всяком случае действовавший освежающим образом.

А кулинарные его способности были прямо несравнимы. Именно здесь, в окопах, когда некогда было и думать об еде, а приходилось ограничи-

Полковникъ
В. А. Медеръ.Полковникъ
П. О. Древингъ.Полковникъ
Н. И. Араповъ.Полковникъ
О. О. Струсевиъ.Полковникъ
В. И. Сланскій.Подполковникъ
О. Г. Стаммеръ.Капитанъ
А. А. Бобровъ.Капитанъ
В. А. Лиловъ.Полковникъ
Н. С. Кирилловъ.Капитанъ
И. Х. Попандопуло.Штабс-капитанъ
П. П. Кравченко.Капитанъ
А. В. Нимциъ.Капитанъ
Н. П. Кузнецовъ.Штабс-капитанъ
Л. Д. Василю.Штабс-ротмистръ
князь М. Д. Микеладзе.Прапорщикъ
Н. Н. Жефоридзе.Прапорщикъ
А. И. Христѣанъ.Прапорщикъ
В. С. Голубевъ.Подпоручикъ
И. А. Щегловъ.Поручикъ
В. И. Дальштремъ.Поручикъ
Г. Э. Гальбрейтеръ.Прапорщикъ
И. В. Крюковъ.Подпоручикъ
А. М. Маузеръ.Прапорщикъ
В. П. Трошинъ.Прапорщикъ
М. А. Шевлягинъ.

На западномъ фронтѣ. Возстановленіе желѣзнодорожнаго пути, разрушеннаго отступившими германскими войсками.

ваться сухаремъ или картонкой, важно было придать этимъ, слишкомъ ужъ простымъ, вещамъ пріятный вкусъ. И онъ это дѣлалъ. Дайте ему всего только одну туковку, и онъ сдѣлаетъ такую приправу, что хоть во французскомъ ресторанѣ подавай.

Оказалось, что онъ самъ былъ любитель шикантной бѣды и въ мирное время обыкновенно заготавливалъ себѣ на зиму всякія соленья, при чемъ не придерживался общепринятыхъ рецептовъ, а изобрѣталъ все по своему вкусу. А картошка, которую легче всего было достать, была его прямой специальностью. Онъ ее не въ уголья и варилъ въ кипяткѣ и при этомъ придавалъ ей такой вкусъ, какой хотѣлъ, такъ что она могла давать эффектъ хѣба, а если угодно, и мяса, и даже пріобрѣтала рыбный запахъ.

И дѣлалъ онъ все это съ величайшимъ усердіемъ и тутъ же совершенно откровенно объяснялъ, что ему это, въ сущности, выгодно. Дѣло въ томъ, что при всѣхъ своихъ необыкновенныхъ качествахъ, онъ—хотя, конечно, не былъ трусомъ, но и особенной храбрости не отличался и очень дорожилъ своей жизнью. Онъ этого не скрывалъ и прямо говорилъ:

— А что же, братцы, рискнуть ею зря? Я понимаю, бываетъ такъ, что отъ смѣлости твоей зависишь, скажемъ, побѣда—либо бѣда. Ну, тогда что жъ, тогда и на самую жизнь твою нацѣнешь... А такъ вотъ, ни за что ни про что, этого я дѣйствительно не люблю. Ну, я себѣ тутъ и топчусь—на дѣлѣ. То картошку, то сухарь поджарю, то напюжю какой изготовить, а вы,

На западномъ фронтѣ. Поселянина, заподозрѣннаго въ шпионствѣ, препровождаютъ въ штабъ. Солдаты надѣли ему на голову мѣшокъ, чтобы онъ не могъ видѣть позиціи.

Къ возвращенію французскаго правительства изъ Бордо въ Парижъ. Выгрузка въ архивъ министерства финансовъ государственной долговой книги. Для перевозки ея понадобилось 10 вагоновъ.

братцы, тамъ за меня отступитесь. Ужъ тутъ меня никакая пуля ни шпалель не подстрѣлитъ, и меня ничто не хватитъ.

И ему это позволили. Никто не смотрѣлъ на это, какъ на отступленіе отъ дисциплины. Въдѣ въ концѣ концовъ онъ всемо оказывалъ величайшія услуги.

Нельзя даже представить себѣ, какое наслажденіе человѣку, сидящему нѣсколько сутокъ въ окопахъ, могутъ доставить нѣсколько глотковъ напитка, хоть и незатѣбливаго, но непохожаго на простую воду.

Иногда же онъ становился на корточки, вынималъ изъ кармана шинели бритву, которая всегда была съ нимъ, смачивалъ щеки собственной слюной вмѣсто мыла и начиналъ бриться. Это онъ считалъ необходимымъ дѣлать каждый день, — научился у нѣмцевъ, говорилъ онъ: — да и нельзя мнѣ иначе: не дай Богъ, нѣмецъ налетитъ и возьметъ въ плѣнъ, и ежели я не бритый, какъ я тогда могу за Карла Кубенштейна сойти? Не повѣрять. Карлъ Кубенштейнъ долженъ быть обязатель-

но бритымъ."

И брлся онъ при этомъ безъ всякаго зеркала, "наизусть", только иногда, въ случаѣ большого сомнѣнія, влиивался въ дно мѣднаго котелка, откуда смотрѣло на него тусклое и туманное его изображеніе.

— Зачѣмъ зеркало?—обыкновенно говорилъ онъ. — Да неужели же я своей собственной рожи не знаю? Такъ атакій человекъ, который собственной физіи не знаетъ, то-есть, гдѣ что у него, — гдѣ носъ, а гдѣ ротъ, а гдѣ все прочее,—что же онъ послѣ этого можетъ знать!

Но былъ случай, когда Кубышка дѣйствительно имѣла возможность оправдать свое убѣжденіе насчетъ того, что, когда угрожаетъ серьезная опасность, то можно наплевать и на собственную жизнь.

Вышло это такъ, что отряду удалось выбить нѣмцевъ изъ мѣстности, расположенной среди сильно развѣтвеннаго лѣса и поросшей густыми кустарникомъ. Нѣмцы-то, наполовину разстрѣлянные, убѣжали далеко, но на изрядномъ разстояніи гремѣла ихъ артиллерія, и отряду грозила опасность, если только его замѣтитъ оттуда, быть разгромленнымъ.

И вот тут-то Кубышка вдруг проявил изумительную наблюдательность, которая, впрочем, была результатом его хорошего знания всех немецких повадок.

Отряд расположился за деревьями и кустами, а он окинул взором окрестность и замечать в десятках шагов от себя что-то тянувшееся между ветвями широко разросшегося дикаго орешника, — очень похожее на проволоку. Дальше оно терялось в кустарнике. Но это уж Кубышка не интересовало, а он стал искать глазами другого края проволоки, и край этот скоро нащупал его взгляд.

Видно, проволока потянулась вправо, все по кустам, а потом повернула вверх и пошла на самую верхушку высокой ели.

Он так обрадовался своему открытию, что чуть-было не свистнул, но воздержался, сдвинул рукой знак товарищам, чтобы оставались на месте, а сам прыгнул, потому лег на землю и, как огромный черепашка, пополз к дереву.

Пловучие дома в Париже. Баржи на р. Сена, приспособленные для помещения бельгийских беженцев.

Пловучие дома в Париже, на р. Сена. Прогулка по палубе баржи, служащей жилищем бельгийских беженцев.

Тут он поднял голову, взглянул, потом осторожно перевернулся на спину, взял свое ружье, прицелился и хлоп — раз, а затѣм и другой.

С дерева в нескольких шагах от Кубышки что-то грузно шлепнулось на землю. Солдаты подбегали, глядя — немец, настоящий немец, в мундире, в сапогах, и только каска с головы его отлетела и повисла на еловой ветке и покачивалась вместе с нею из стороны в сторону.

— Готов! — сказал Кубышка, поднявшись на ноги и подойдя к нему.

Немец действительно был взят наповаль и подстрелен, как куропатка, но солдаты смотрели и ничего не понимали. Подошел офицер. Кубышка вытянулся перед ним и промолвил:

— Дозвольте, ваше высокоблагородие, вскарабкаться.

— Куда? Зачем? — спросил офицер.

— Да там же у них аппарат... В роде телефона... А телефончик уж тут лежит, так оно выходит, должность освободилась, и я им по-немецки докладывать буду.

Офицер понял всю его хитроумную махинацию и разрешил. И нужно было видеть, с какой ловкостью Кубышка понес свое несущее тело наверх, цепляясь за ветки и сучья, и вмиг добрался до неодолимой точной точки, как казалось снизу, которая была действительно не что иное, как переносный телефон. Проволока от него шла далеко, до самых батарей. Кой-где она пробивалась сквозь кустарники, кой-где ныряла в землю, потом опять выплзала наверх.

Вскарабкавшись наверх, Кубышка оглядел окрестность и явственно различил густую массу заставивших за лесом немцев. И вот сверху послышалась отчетливая немецкая речь. Кубышка самым точным образом определил им то место за лесом, где спрятались целый полк германцев, выждать минуту, другую, третью, и вдруг видят — блеснули огни на батареях, раздался грохот, и снаряды во всеобщем величии понеслись прямо по его указанию.

Пловучие дома в Париже, на р. Сена. Внутренний вид баржи, приспособленной для помещения бельгийских беженцев.

быстро движется здоровый немецкий отряд, держа направление прямо на них. Он схватил аппарат, с силой оторвать его от проволоки и захватить с собою, чуть не кубарем скатился с дерева.

Тут стоял офицер. Держа в одной руке коробку, другую приложив к козырьку, Кубышка отпартовался:

— Извольте приказать, ваше высокоблагородие, переменить место: дозвольте... Рысью бегу...

Сейчас же команда и рота покинули место и скрылись в лесу. Когда Кубышка рассказал товарищам то, что он предпринял там, наверху, солдаты ахнули, схватили его и чуть не понесли на руках.

Ай да Кубышка, вот хитрец, то-то он жарит там по-немецкому!

Баезидъ (Баязетъ).

Очерк П. В. Нестерова.

(Рис. на этой стр.).

После вбродного нападения немецко-турецких крейсеров на беззащитные города русского Черноморского побережья немедленно было дано распоряжение о том, чтобы представители наши покинули пределы Турции, а войска перешли границу. Прошло всего несколько дней, и мы получили известие, что наши доблестные войска уже заняли с боя первую турецкую твердыню — крепость Баезид, или, как ее еще неправильно называют, Баязет. Почти все наши войны с Турцией неизменно начинались и сопровождались взятием этой крепости; так это было в августе 1828 года, в июле 1854 года и в 1877 году.

Таким образом в настоящую войну этот город занят нашими войсками в четвертый и, будем надеяться, в последний раз. Крепость эта имеет значение не столько сама по себе, сколько по своему стратегическому положению. Она находится в том северо-западном углу Турции, где сходятся границы России, Турции и Персии, смычкой которых служат увенчанный скалами Арарат (16.916 фут. над уровнем моря). У юго-западного подножия Арарата, именно в одной из складок хребта Аладага, на высоте 6.700 фут. над уровнем моря и расположен Баезид. Несмотря на то, что он находится в трудно-доступной местности, среди скал, изломанных землетрясениями, здесь сходятся четыре важных в стратегическом отношении дорог: в наши пределы — через Чингильский перевал (10.640 фут.) на м. Идырь Эриванской губернии, в Персию — на города Маку и Хой, на Вань и на Эрзерум — через Дианди, Кара-клинсу и Гасань-калу. Последняя имеет особенно большое значение, так как она является кроме того одним из трех главных торговых путей из Турции в Персию (на Тавриз).

Никогда Баезид представлял собою довольно значительный город Эрзерумского вилаята, но постепенно пришел в полный упадок и разрушение, хотя не столько от землетрясений, сколько от дурного османского управления и ухода армян в бедствие гонимой, которая неизменно начиналась тотчас же после окончания войны. Из нескольких тысяч домов в настоящее время здесь осталось всего несколько сот; это все жалкие и грязные лачуги с характерными плоскими крышами: лучший дом в городе, это — дом нашего вице-консула. Население города в последние годы достигло не более пяти тысяч: главную часть его составляют турки, курды и армяне; в общем городе производят впечатлительные смеси курдского и турецкого, особенно обнаруживающейся в своеобразной одежде местного населения.

Город помещается в двух ущельях, между которыми одиноко возвышается большая скала, отсюда обрывающаяся в одну сторону и довольно круто в другую.

На вершине скалы помещается одна из достопримечательностей города — хорошо сохранившийся замок, постройка которого относится к 1789 году. Здесь долго господствовали завсильные от турецких султанов наследственные князьки,

Ночью, когда замолкли громы утомленных орудий, начальник отряда доложил высшему начальству о находчивости Кубышки.

Это было сопоставлено с другими донесениями, и оказалось, что такой случай, когда немецкая батарея разстреляла свой собственный полк, и именно на том месте, был. Кубышку представили к награде, и на другой день он уже появился с унтер-офицерскими нашивками на мундире.

Но через несколько дней с ним произошло обстоятельство гораздо менее приятного свойства. Он попал к немцам в плен, и при такой обстановке, в которой мог очутиться только он.

(Окончание будет)

На русско-турецком фронте. Крепость Баезид (Баязет), занятая нашими войсками.

Маскат. Набережная и главная часть города.

Гнездо пиратов — Маскат.

Очерк П. В. Нестерова.

(С 2 рис. на этой стр.).

В первых числах января телеграмма из Дели (в Индию) официально сообщила о том, что удачно отбитой англичанами атаке, произведенной трехтысячным отрядом арабов на столицу Оманского султаната — г. Маскат. Гд находится этот город и каково его отношение к англичанам, не многим известно, а между тем этот город по своему географическому и стратегическому положению играет очень большую роль.

Маскат находится на юго-восточном углу Аравийского полуострова, на южном берегу так называемого Оманского залива, который, в сущности, представляет собою часть Индийского океана (точнее — Аравийского моря), глубоко вдающегося между южным берегом Персии и упомянутой частью Аравийского полуострова. Этот город считается резиденцией Оманского султана, владыка которого на Аравийском полуострове тицует в виде узкой полосы по берегам Аравийского моря, Оманского и отчасти Персидского заливов.

До самого последнего времени Оманский султан находился в вассальной зависимости от турецкого правительства, впрочем, более номинально, чем по существу. Однако несколько лет тому назад турецкое правительство, в виде компенсации за предоставление Германии концессии на постройку Багдадской железной дороги, переуступило англичанам свои права на султанат. Громадное политическое, стратегическое и торговое значение последнего, по обыкновению, верно было учтено даноными англичанами. И действительно, если бы даже им удалось довести Багдадскую дорогу до Басоры, то англичане, владыки Оманского султаната, все же закрывали им выход в Индийский океан. Главная роль султаната, Маскат, играет совершенно такую же роль для Персидского залива, какую играют Аден для Красного моря и Гибралтар для Средиземного. Маскат с полным правом может быть назван ключом от Ормузских ворот, чрез которые Персидский залив соединяется с Индийским океаном. Этот город помещается в глубине обширной гавани, великолепно защищенной природой с трех сторон. Единственный ее недостаток — незащищенность со стороны Оманского залива, впрочем, истры с этой стороны бывают редко и не достигают значительной силы. С трех же других сторон гавань защищена грандиозными, почти отвесными скалами. Несмотря на то, что Маскат находится как раз на тропице (тропик Рака), горы, окружающие его гавань, в течение года почти отсутствуют атмосферных осадков, совершенно пустыни, лишены даже следов какой бы то ни было растительности.

Справа и слева по склону над гаванью расположено несколько крепостей, похожих на башни. Две главные крепости более оригинальной постройки и расположены нечлотно впереди города. Эти крепости занимают господствующее положение не только над городом, но и над гаванью. На одной из них гордо развевается английская флага, на другой выступает несколько длинноствольных, устаревших и уже покрытых ржавчиной пушек. Как пушки, так и сама крепость в настоящее время заброшены, так как против бесчисленных стай кошек

здесь никто не обитает. Повидимому, англичане гораздо больше придают значения небольшому стационару, который постоянно дежурит в гавани. Этот стационар вооружен всего двумя маленькими пушками, экипаж же его составляет лишь несколько человек магросов, а между тем эта горсточка людей держит в своих руках не только весь город, но и весь султанат. Причина последнего заключается в том, что англичане прежде всего постарались обезоружить местное арабское население и под страхом смертной казни запретили ввоз оружия. Благодаря столь строгим и неуклонно проводимым мерам здесь царит полный порядок, и поминаний на европейцев не происходит, а между тем еще совсем недавно население занималось исключительно разбоем. На своих лодках они лыныли по всем берегам, занимаясь главным образом пиратством. Если во время муссонов какое-нибудь судно пришло к берегам, оно немедленно подвергалось разграблению, а пассажиры — поголовному и притом безжалостному истреблению. Все местное население от мала до велика вооружено кривыми серповидными кинжалами; кривизна последних как раз соответствует формам шен. Своим жертвам арабы неизменно отрезают голову в виде трофея. Эти кинжалы англичане оставили местному населению для повседневных нужд, отобрав только огнестрельное оружие.

Самый город Маскат довольно значительных размеров, но скрывается среди скал и ущелий; только одной и притом узкой стороной он выходит на берег гавани. Эта часть города — лучшая и наиболее живописная: здесь находится несколько красивых каменных двухэтажных домов.

В прибрежной части города находится здание английского почтамта, английского госпиталя и один из дворцов султана; дворцы у султана имеются и в других частях города, но все они, не исключая и первого, очень скромны, невзрачны, вообще мало отличаются от других зданий и обращают на себя внимание только по присутствию многочисленной по-азиатски вооруженной стражи.

Весь город, особенно главная, лучшая его часть, изрезан многочисленными до невозможности кривыми и чрезвычайно узкими улицами. Последние мало оживлены, так как вся жизнь здесь, равно как и всюду на Востоке, сосредоточивается почти исключительно на базарной улице и близ нее. Европейцев здесь совершенно не видно, хотя над некоторыми зданиями развеваются английские, американские, русские и французские флаги. Представителей России здесь является агент Русского Общества Пароходства и Торговли — француз по происхождению, но уже принявший магометанство и сменивший свой европейский костюм на арабский бурнус.

В противоположность арабам других частей Аравии, оманские арабы очень некрасивы, неприветливы, нелюдимы и кровожады. Видно, что только сила англичан сдерживает их кровожадные инстинкты. При таких условиях агентам турецкого правительства, конечно, не трудно было поднестись против английского протектората. Однако заблаговременно принятые меры, — обезоружение населения, запрещение ввоза оружия и удержание нужных моментов военного отряда, а также умелое использование естественных укреплений Маската для обороны, — дали возможность сравнительно небольшому английскому отряду легко отразить какую-нибудь атаку трехтысячного скопища кровожадных арабов.

Крепость города Маската, на левом берегу гавани.

судьбы, их постигшей, сумела обнаружить высокую силу духа и нравственной красоты.

«Сегодня вечером» — пишет Эльвестед — бельгийская королева опил в Кала. Она пришла посетить раненных. Она беспрерывно объезжает лазареты между Булонью и Фиорно, между тем как король все время остается среди своих солдат. Автомобиль королевы останавливается возле новой рапуши, еще не законченной постройки. В верхних этажах помешены раненные. В пустых залах нижнего этажа завывает буря, врывающаяся в незащищенные окна. Население не знает о присутствии королевы, и на улицах стоит обычный вечерний шум. Впереди королевы идет офицер. Он отворил дверь автомобиля. Но, видимо ослепленная ярким светом автомобильных фонарей, королева вдруг останавливается и стоит несколько секунд, прежде чем сесть в автомобиль. На голове у королевы баулы, на плечи накинута подбитая мехом пелерина. Она кажется такой маленькой в своем черном одеянии. На лице ее нет страха, она как бы застыла в великом недоумении, а взор ее говорит, что она о чем-то постоянно думает и не может чего-то понять. Эти полные страдания женские глаза как будто ждут других глаз, которые мы с содроганием опускаем в мировом мраке Европы, — глаза матерей. О, эти открытые, беспомощные материнские глаза, не выдающие ни капли утешения, выражающие одно лишь болтливое искушение!»

Король Альберт. Когда главная квартира короля Альберта была еще в Фиорно, произошло событие, рисующее душевный облик короля. Навстречу гулявшему с майором Димом королем попался отряд военнопленных. Когда пленные поворачивались к королю, один из них остановился и сказал:

— Ваше величество, я был прикомандирован к вам ординарцем во время пребывания вашего величества в Берлине. Офицер назвал свой гвардейский полк и свое имя.

Король молча протянул руку к козырьку.

— Я очень счастлив, что попал в плен к вашему величеству, — продолжал пруссак.

— Майор, — обратился король к своему адъютанту: — передайте военнопленному, что я не завидую его императору, и что мои офицеры сданы в плен лишь тогда, когда они ранены.

Поворнувшись, король быстро удалился.

Последний бельгийский город Фиорно, находящийся в пяти километрах от берега моря и в семи километрах от французской границы, единственный бельгийский город, в котором не хозяйничали в качестве завоевателей германцы. Газета «L'Indpendance Belge», издаваемая в настоящее время в Лондоне, упоминает о том, что германцы не один раз проходили через Фиорно, но лишь в качестве военнопленных. В город пришло всего 6.600 жителей. Его несколько раз бомбардировали германцы. От этих бомбардировок пострадали главным образом остренные поселки и предместья. Большая часть жителей покинула город в конце октября, во время боев у Изера. Теперь однако многие возвратились обратно, и среди них бургомистр. В настоящее время жители города остаются все равнодушными к пролетающим со свистом снарядам, которые нередко попадают еще в эту сторону, а также к постоянной канонаде, доносящейся издалека. Даже германские аэропланы «табу», взрываются появляющиеся среди облаков над городом, не наводят на жителей страха.

Жители Фиорно не без основания считают свой город пыльным столичным Бельгией. Вид здесь король Альберт 2-го ноября принимал президента Пуанкаре, а 4-го декабря — английского короля Георга. В течение двух месяцев Фиорно был центром постоянного передвижения войск. Улицы города, когда-то такие тихие и пустынные, кишат теперь солдатами. Здесь войска отдыхают, когда им не надо быть в траншеях. Здесь же можно видеть английскую войска, проходящую на позиции.

В 8 час. вечера заправляются все магазины и кафе, и гаснет весь огонь. День и ночь по городу шныряют жандармы. Автомобильное движение в город и его окрестностях очень большое. Каждую среду на рынок съезжаются местные крестьяне и торгуют сельскими продуктами. Вообще надо сказать, что жизнь в этой маленькой бельгийской «столице» протекает тихо и мирно, в жители Фиорно искренно благодарны судьбе, пославшей на их долю, в сравнении с другими их соотечественниками, такую спокойную жизнь.

Пятьсот георгиевских кавалеров. «Рус. Слово» сообщает из Варшавы, что недавно один из главных наших полков в районе Бауры дважды атаковал неприятеля, не сдвигая ни одного выстрела. Натиск был так неожидан и стремителен, что около тысячи немцев, побросав оружие, сдались. В обоих случаях неприятель потерял до 2000 убитыми. Командиру героического полка вручено для раздачи своим чинам 500 Георгиевских крестов.

Интернационализм — против немцев. Известный русский политический эмигрант князь Крапоткин выступил в «Dérèche de Toulouse» с интересной статьей, излагающей его взгляды на общеевропейскую войну.

«Истинные пацифисты — пишет князь Крапоткин — должны бороться изо всех сил, чтобы добиться окончательного уничтожения прусского милитаризма. Для нашего поколения это вопрос жизни и смерти. Нельзя забывать, что идеал интернационализма есть идеал взаимопомощи наций и, как таковой, прямо противоположен космополитизму, годному для тевонов с их грезами о мировой германской империи, но неприемлемому для других народностей, главным образом для народностей романских».

«Именно интернационализм требует от нас, чтобы все цивилизованные нации ополчились против могущественного врага, напавшего без объяснения мотивов на маленькое государство: против Австрии, ищущей воздушный Сербия; против Германии, распространившей тяжелым сапогом права Бельгии и Люксембурга».

«Словом, в Европе сейчас только два лагера — патристы и цивилизованные нации. Что касается меня, я примыкаю ко второму. Об этом не должно быть никаких сомнений. Долгой и жестокой будет схватка — особенно на востоке, — но в конце концов цивилизация победит».

Германцы распространяют ложь. Американская газета «New-York Tribune» сообщает, что из Германии была получена большая партия оберточной бумаги для магазинов. На вершине каждой пачки по-английски было напечатано:

«проесть смачивать». Когда это было исполнено, то на белой бумаге выступили синие буквы, на желтой — черные буквы. Выступивший текст обнаружил прокламацию об успехах германского оружия в Европе, при чем в конце прокламации упоминалось, что Германия не желает проливать столько крови и поэтому призывает к чувству гуманности Америки, которая одна может поддаться голосу на пользу мира. Однако политика германских агентов в последнее время так настроила американское общество против германцев, что прокламация, доставляемая в Америку таким обманчивым способом, лишь усугубила негодование.

Германия и золото. Германское казначейство в погоню за золотом прибыло к крайней мере. Во всех ломбардах секвестрованы не выкупленные золотые вещи, и кассам ломбардов выданы обязательства произвести уплату за эти вещи по волевой цене после окончания войны. С другой стороны сдано распоряжение, чтобы хранители музеев представили список всех тех предметов, в которых находится золото. Списки эти уже представляются, и в первую очередь были доставлены списки золотого оружия, конской сбруи и рыцарского снаряжения, хранящихся в берлинском пейзажном и в музее рыцарского периода в Кельне. В настоящее время производится во всей Германии перепись нитых золотом церковных одежд и украшений и во всякой утвари, принадлежащей при богослужении.

Протест германской гуманитарной лиги. «Я чувствую, что я нахожусь в единении со всеми германскими народами»; это — слова из новогоднего воззвания императора Вильгельма. Однако в Германии не все обстоит так благополучно, как это представляют официальные источники. В первые дни войны действительно все население Германии влило в возможность быстрой сокрушительной победы и тесно сплотилось вокруг престола и армии. Но теперь широкие круги германских бюргеров испытывают чувства гнетного разочарования и утомления затяжной войной.

Лучшим показателем этих настроений германского общества является следующее обращение германской гуманитарной лиги к социалистам Европы и Америки:

«Император и его военные советчики верили германский народ в пучину преступной войны. Наш народ, обманутый своими вождями, с закрытыми глазами выступил на борьбу против союзников, которые не проявляют никаких признаков слабости и попрежнему остаются твердыми в своей решимости изгнать из Бельгии войска, проливающие кровь невинного народа. А ведь наши же правители когда-то поклялись защищать бельгийский народ».

«Союзники, с таким высоким подъемом рыцарских чувств защищающие поправную праву Бельгии, не угрожают ли малейшей части германской территории. Товарищ рабочие! Неужели и впредь вы будете оставаться безмолвными свидетелями этих неслыханных преступлений? Неужели вы будете равнодушно взирая на кровавую бойню во Фландрии, Брианте, Эльзасе и Лотарингии? Разве вы не дадите себе ответа в том, что наш император, убивая беззащитных старцев, женщин и детей, покрывает наш народ неслыханным позором и что эта война унесит в могилу тысячи рабочих, которые могли бы с величайшей пользой работать для мирного преуспеяния своих народов?»

Это воззвание, за подписью которого находится редакция лондонской газеты «Morning Post», заканчивается, по словам «Бирж. Вдт.», указанием на то, что мировая война за сравнительно короткий промежуток времени, т. е. за пять месяцев, успела надбавить столько вреда, что промышленность в торговлю оправится от ее губительных последствий не раньше, чем через 50 лет. Заключение этих слов воззвания гласит, что человечество заинтересовано в скорейшем уничтожении прусского милитаризма.

Гибель германских «морсаров». Лорд Крю в заседании палаты лордов заявил, что в настоящее время из всех германских крейсеров, находившихся в открытом море в значительных нападений на торговые суда неприятеля, остались на свободе только два, а именно «Дрезден» и «Карлсруэ». Из них первый — судно сравнительно старого типа (1907 года) и располагает скоростью хода не больше 24 узлов. «Карлсруэ», наоборот, является одним из новейших типов; этот крейсер, вошедший в строй только год с небольшим тому назад, по всей вероятности, до сих пор еще может давать до 27 узлов хода. От большинства других германских крейсеров «Карлсруэ» выгодно отличается тем, что имеет вертикальную броневую защиту по борту. Кроме двух названных крейсеров военного флота, Германия располагает на открытых водных путях еще двумя только оставшимися вспомогательными крейсерами (вооруженными коммерческими пароходами) — «Кронпринцем Вильгельмом» и «Эйтель-Фридрихом». Все остальные германские суда, занимавшиеся крейсерскими операциями в океанах, теперь уже или потоплены, или интернированы.

Немецкая газета о русском чае. Одна из крупнейших газет в Германии и первая по значению и распространенности в Берлине, «Berliner Tageblatt», напечатала недавно, для ознакомления с русским «бытом», сообщение о том, как русские пьют чай. Вся эта заметка, написанная «со слов очевидца», представляет образец тех корреспонденций из России, которые публиковала и в мирное время эта «серьезная» газета. Это описание представляет такой курьез, что мы решили привести его в переводе. Русский человек, по словам «очевидца», пьет чай тремя способами. «Первый способ, самый приятный для русских, это — пить чай «с прекуском» (s prekuskom). Пьющий держит кусочек сахара в передних зубах и аккуратно фильтрует через этот кусок сахара длинный стакан чаю. Второй способ, более простой, это — пить чай «с прикуском» (s priiskom). Способ этот заключается в следующем: с потолка на веревочку свешивается кусок сахара, и каждый из гостей, сидящих вокруг стола, лжечет этот кусок, перед тем как глотить чаю. Наконец, наиболее дешевый способ пить чай, это — «с придумком» (s pridumkom), с мечтанием, — объясняет немецкий автор и прибавляет: — Как познать русский народ! О сахаре, при этом способе пить чай, только мечтают».

Далее газета сообщает, что русские не считают чай серьезным напитком. «Я ни разу не видел, чтобы русский, перед тем как выпить чаю, перекрестился бы, тогда как при одном виде бутылки с водкой русский многократно крестится, и, перед тем как выпить рюмку водки, ру-

X K B A

1

1

УНВА

УНВА

УНВА

УНВА

УНВА

